

рассказ

*Гулнара
Тубайдуллина,*

*Республика Татарстан,
Казань*

Слышу сердцем

*...С детских лет я запомнил деревню одну,
где прошли мои лучшие годы.
В своём сердце храню я её тишину,
её избы, её огороды...
Я потом побывал в самых разных краях,
я немало изведал просторов.
Спал в степи, тосковал о далёких друзьях,
просыпался под рокот моторов.
Но поныне, куда бы ни кинулся я,
где б костёр ни развёл одиноко, –
Слышу сердцем, как дышит деревня моя
где-то очень далёко-далёко.*

Камиль Мустафин

МИНГАТА вбежал по высокому крыльцу, заглянул в приоткрытое окно кухни и улыбнулся – мама ставила тесто, будет ароматный горячий хлеб.

Дети любили наблюдать за процессом хлебопечения. Как рождался хлебушек. Живой. Из крохотного теста уже в печке вырастали высокие пышные караваи.

С давних пор для выпечки хлеба мама использовала хмелевую закваску. Из красивых шишек хмеля. Хлеб

на такой закваске получался очень вкусный, без дрожжевого запаха, долго не черствел, не плесневел. Пышный, с огромными воздушными дырочками. Он сжимался, корочка к корочке, и вновь восстанавливался. А когда пёкся хлеб, то в доме стоял такой дух, что не надышаться, не нарадоваться.

Сын съездил в райцентр. Родителям же сказал, что по хозяйству нужна утварь для домашней мастерской.

А сам твёрдой поступью зашагал в военкомат.

За деревянным столом сидел коленастый немолодой человек в звании майора, с красными глазами и что-то сосредоточенно писал, проговаривая негромко вслух.

Мингата чётко отчеканил:

– Здравия желаю! Гилязов Мингата Нурхаматович! Прибыл добровольцем! Прошу отправить на фронт!

Военный поднял голову, внимательно посмотрел на высокого худого парнишку и тихо произнёс:

– От мамки сбежал? Сколько тебе годков-то?

Мингата насупился. Этот вопрос бил по больному. Он зажмурился, набрал воздуха в лёгкие и собрался отчеканить, что ему уже восемнадцать и ни от кого он не сбежал!

Ему уже на днях будет семнадцать! Так и война закончится!

Мужчина продолжил так же тихо и чётко:

– Так вот, Мингата. Хорошо, что пришёл. Нам сейчас толковые ребята ой как нужны. Будешь заниматься ответственным делом – снабжением фронта. На войне ждут тёплые вещи. У вас в хозяйстве лошадь имеется?

– Да, имеется, – Мингата пока ничего не понимал, а уточнить боялся.

– Вот и замечательно! Слушай меня, сынок. Запрягаешь конный обоз, объезжаешь окрестные деревни, женщины уже вяжут тёплые вещи. И всё-всё в целости и сохранности доставляешь в Казань. Через пять дней уходит эшелон на фронт. Ясно? Справишься?

– Так точно!

Мингата окрылённый вернулся домой и весь завтрак сиял, как начищенный самовар.

После завтрака он решил открыться отцу и матери. Нурхамат молча выслушал и обнял сына. Марфуга тихонько заплакала.

Отец с сыном вышли во двор. Вывели любимца – жеребца гнедой масти. Каштановый шелковистый окрас. Такой же окрас свойственен диким лошадям. Именно с этим и связывают неприхотливость, выносливость коричневых лошадей. Они же самые быстрые, часто являются участниками разных состязаний. Природный отбор дал гнедым отличное здоровье. Мингата втайне мечтал стать ветеринаром, в местной библиотеке он перечитал всю литературу по данной теме.

Ведь человек и конь – пара, связанная особыми отношениями, удивительной душевной близостью. Забывать про это – чудовищно обеднять собственную жизнь.

Нурхамат и Мингата помнили всех коней и лошадей, в том числе тех, которых конфисковали в 1931 году. В крестьянской жизни они были и средством передвижения, и кормильцами, и верными друзьями.

Перед каждым делом или дальней дорогой Гилязовы разговаривали с жеребцом. Объясняли, какая работа предстоит.

Конь внимательно слушал, водил ушами, вдыхал ноздрями цвета горького шоколада воздух.

Парнишке казалось – своими огромными тёмными глазами тот заглядывает в душу. Да и на сердце моментально

Гульнара Губайдуллина родилась (1976) в г. Буинске ТАССР. Окончила КГУ (юрфак) и МГУ (психфак). С 1994 года ведёт практику по юриспруденции и психиатрии. Автор исторической повести о четырёх поколениях крестьянской семьи «Птицы не вьют гнёзд на чужбине», пишет подростковую прозу и стихи. Награждена благодарственными письмами Президента Российской Федерации и Раиса Республики Татарстан. Финалистка Международной литературной премии «ДИАС-2025»

становилось спокойно – не подведёт. Так было и в этот раз.

Жеребец шумно вдыхал морозный утренний воздух, раздувал ноздри, выдыхал тёплое облако, внимательно слушал людей.

Дорога была знакомой парнишке. Собрали полный обоз тёплых вещей на фронт. Люди несли сделанное своими руками, иногда последнее.

– А себе? Что себе-то?

– Аллах даст свою милость, выдюжим. Бог не оставит.

В одной из маленьких окрестных деревенек Мингату позвали отобедать. Подошла маленькая девочка, лет шести-семи, укутанная в белую шаль, только глаза видны, в сером пальтишке. С серьёзным видом она молча взяла крепкую мозолистую руку парнишки и повела за собой. Оказалось, кроха не разговаривает.

В обветшалом стареньком доме с покосившимся забором жили одни старики – дедушка и бабушка. На стене – единственная фотография, свадебная. Мингата подумал – дети, возможно.

«Дом без печи – что голова без мозгов», – подмечает пословица.

Печь в доме стариков была знатная, не похоже, что здесь только они коротали свой век. Печь – она ведь и обогреет, и осветит вокруг, и испечёт хлеб и пироги, а на её гладкой тёплой спине так уютно зимой.

Вдоль печи стояла лавка. Это самое почётное место в комнате, и принадлежало оно самым уважаемым в семье старшим.

Над лавкой висела люлька: значит, на ней когда-то сидела мама и качала малыша. Когда-то ребёнок в своей люльке утонул в подушках. Вот только старики не подходили на роль молодых родителей.

А когда дети подрастали, они играли на той самой лавке в свои игрушки.

В маленьком помещении, где зимой было людно, лавка оказывалась очень необходимой – на ней, можно сказать, проходила жизнь семьи.

В домах, где была не одна комната, а несколько, стояли и столы, и стулья, и отдельные кровати, но татары любят лавку (сэке), и она тоже осталась – правда, поменьше и лишь в одной из комнат.

Каким бы ни был деревенский дом – богатым или бедным, большим или маленьким, он всегда был любим каждым, кто в нём жил, – ведь это родной дом, он дарит тепло и любовь, которые всегда согревают душу.

– Садись, сынок. Поешь что бог послал. Дети-то на фронте. Вестей нет, уже год нынче. Внучка вот перестала разговаривать, всё ждёт папку с мамкой.

Бабушка скрылась за длинной цветастой занавеской у печки, взяла ухват и ловко вытащила из печки маленький чугунок с ещё дымящимися щами.

Дед неподвижно сидел на деревянной лавке. Руки на столе, беззвучно перебирал губами. Перед ним лежала чёрно-белая фотокарточка. Мингата осторожно приблизился и увидел, что фотография свадебная. Довоенная. Как и на стене!

Молодая девушка с такими же непокорными кудряшками, как у девочки, и коренастый светловолосый мужчина. Они улыбались и предвкушали долгую счастливую жизнь, но судьба рассудила иначе.

Будут ждать! Всю жизнь будут ждать! Похоронок ведь не было, значит, живы.

Дед не обратил никакого внимания на Мингату, равнодушно смотрел в окно, словно пытался разглядеть за тысячи вёрст своих детей на войне. Иногда он переводил взгляд на фотографию.

Девочка-кудряшка куда-то ушла и вскоре вернулась с серыми пуховыми варешками с длиннющим ворсом. Из козьего пуха. Совсем крохотные, детские. Они мягкие и неколючие. Подошла к обедающему парнишке, заглянула прямо в душу серьёзными, не по-детски голубыми глазами-блюдцами, обрамлёнными светлыми пушисты-

ми ресницами. Она поправила кудряшки, выбившиеся из необъятной русой косы, перехваченной алой лентой, вздохнула и мягко вложила варежки в ладонь Мингаты.

У парнишки глаза стали влажными. Он отвернулся, не показать бы, держаться, надо держаться. Быстро вытер рукавом лицо.

– Жарко тут у вас! Натопили!

Мингата наклонился над девочкой и прошептал:

– Хорошо, малышка! Передам родителям, непременно передам!

Трагедия случилась на обратной дороге из Казани.

Мингата не торопился. Он успел, всё успел. Справился! Собрал, привёз всё в город, до отхода эшелона. Сейчас можно и отдышаться.

Впереди замаячила в самом узком месте могучей реки ледовая переправа. Стоял мороз. Конные и пешие не спешили, передвигались по льду. Снег поблёскивал, искрился на раннем весеннем солнце, которое начинало пригревать всё сильнее с каждым днём.

Мингата помнил, что много трудностей для движения создавали трещины на льду. Они появлялись от резкого перепада температур верхнего и нижнего слоя льда.

Если температура верхнего слоя льда заходила за минус тридцать градусов мороза, то нижний слой был около нуля. Такие трещины не представляли опасности. Страшными были трещины, где проступала вода.

Всё произошло за доли секунды.

Мингата очутился в ледяной воде. Успел подумать – надо быстро распрячь

коня, срезать поводья, иначе ждёт верная гибель. Тяжёлый конно-санный обоз потянет за собой в глубину и человека, и жеребца.

У парня получилось освободить коня, но в этот момент он потерял сознание.

Мингата пришёл в себя в чьей-то душевной, жарко натопленной избе, рядом стояла незнакомая молодая женщина в сером пуховом платке, накинутом на плечи.

Она встревоженно вздохнула и потрогала лоб парнишки.

– Где я? – спросил Мингата.

– Всё хорошо будет, всё хорошо будет, сейчас горячий чай подам, не вставай, – повторяла незнакомка.

Затем поставила рядом табуретку и рассказала, что произошло после того, как юноша потерял сознание.

Оказалось, жеребец вынес Мингату из полыньи. Каким образом? Оставалось загадкой для всех.

Подбежавшие на помощь люди увидели испуганного мокрого гнедого коня с парнишкой на спине и рядом зияющую чёрную пасть воды с плавающими осколками льда. Человек был без сознания. Но воды не успел наглотаться.

– В рубашке родился, не иначе ты, парень! – в избу зашёл широкоплечий бородатый мужчина средних лет.

Увидев, что Мингата пытается встать, он неожиданно мягко произнёс:

– Знаю, знаю, к коню своему спешишь. В порядке он у тебя. Красавец! Спаситель твой! Эх, радость-то какая!

Когда Мингата вернулся домой, гнедого жеребца Гилязовы назвали Моряком.